

ALEXS KRATOS

АСТРЕЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Aleks Kraas

Астрея

«Автор»

2026

Kraas A.

Астрея / А. Kraas — «Автор», 2026

2148 год. Колониальный ковчег «Астрея» терпит крушение над неизведанной планетой системы Тау Кита. Климат идеален, воздух пригоден для дыхания, но местная флора достигает размеров небоскребов, а фауна эволюционировала в идеальных убийц. Из 300 членов экипажа в живых остается 47. У них нет связи с Землей, нет тяжелого вооружения, но есть 18 месяцев до прибытия спасательного зонда. Им предстоит не просто выжить, а остаться людьми, когда сама планета начинает охотиться на них.

© Kraas A., 2026

© Автор, 2026

Aleks Kraas

Астрея

Аннотация

2148 год. Колониальный ковчег «Астрея» терпит крушение над неизведанной планетой системы Тау Кита. Климат идеален, воздух пригоден для дыхания, но местная флора достигает размеров небоскребов, а фауна эволюционировала в идеальных убийц. Из 300 членов экипажа в живых остается 47. У них нет связи с Землей, нет тяжелого вооружения, но есть 18 месяцев до прибытия спасательного зонда. Им предстоит не просто выжить, а остаться людьми, когда сама планета начинает охотиться на них.

Глава 1: Падение в сад

Звук, который издает корабль, когда входит в атмосферу на нерасчетной скорости, не похож ни на что. Это не рев, не скрежет и не взрыв. Это одновременно все вместе. Капитан Илья Корсаков слышал его лишь раз в жизни — на учениях, когда учебный челнок потерял левый стабилизатор и его ведомый сторел за четыре секунды до катапультирования.

Сейчас этот звук звучал у него в зубах, в позвоночнике, в каждом позвонке.

— Всем задраиться! — заорал он в интерком, перекрывая вой турбин. — Корабль теряет антивеерное покрытие!

«Стрела» — красавица, гордость колониального флота, тридцатиметровая капля из карбонового сплава — тряслась как загнанный зверь. За иллюминаторами не было черноты космоса. Там было оранжевое пламя, пробитое белёсыми всполохами ионизации. Планета, которую они должны были только осмотреть с орбиты, втягивала их в себя, как голодный желудок.

— Капитан, двигатели третьей группы заглохли! — голос Лейлы Хаким, молодого инженера со слишком большими глазами, прозвучал детским писком в общем хаосе. — Перегрузка по левому борту двести процентов!

— Перекрой питание на кормовые дюзы! — Корсаков впился пальцами в подлокотники кресла. Его лицо, изрезанное шрамами от прошлой войны с Объединенным флотом Титана, сейчас напоминало мраморную маску. Внутри всё кричало: «Слишком рано, не здесь, не сейчас». Но внешне он был спокоен.

Правее от него, в кресле второго пилота, Райан О'Коннор — молодой, самоуверенный, с вечной усмешкой на губах — пытался выровнять тангаж. Его пальцы танцевали по сенсорной панели с быстротой нейрохирурга.

— Илья, она нас не слушается! — выдохнул Райан. — Атмосфера плотнее, чем показывали зонды. Мы как камень в киселе. Нужно катапультироваться!

Корсаков посмотрел на индикатор экипажа. Триста семь человек на «Астрее» — материнском ковчеге. Сорок семь на «Стреле». Они должны были провести разведку местности, взять пробы почвы, вернуться через шесть часов. Вместо этого метеоритный поток повредил топливную магистраль, а баллистический компьютер сошёл с ума и отправил челнок в крутое пике.

— Слишком низко для катапульты, — отрезал Корсаков. — Мы сождемся в стратосфере. Лейла, есть шанс зажечь маршевый?

— Они клинили!

Взрыв потряс корму. Освещение моргнуло и перешло на аварийное красное. Запах озона и горелой изоляции ударил в ноздри. По коридору за кабиной прокатилась волна криков. Там, в пассажирском отсеке, находились сорок два человека: ученые, техники, двое детей (почему, черт возьми, на разведывательную миссию взяли детей?), и полтора десятка вооруженных контрактников.

— Сержант Торрес! — крикнул Корсаков в тактическую сеть.

— Здесь, сэр, — пробасил в ответ тяжелый, спокойный голос Майка Торреса, ветерана, с которым Корсаков прошел две войны. — Люди в шоке, но целы. У нас здесь... творится ад, сэр. Скажите мне что-нибудь обнадеживающее.

— Мы садимся, сержант. Жестко, но садимся. Приготовьте всех к удару.

Корсаков отключил связь и взглянул на главный обзорный экран. Атмосфера расступилась. И он увидел это.

Зеленый.

Не просто зелень — буйство, безумие жизни. Равнина, простирающаяся до горизонта, сплошь покрытая растительностью, где деревья напоминали не привычные земные дубы или сосны, а гигантские папоротники, взметнувшиеся на сто пятьдесят метров вверх. Их кроны сливались в единый полог, похожий на изумрудный океан, в котором ветер создавал серебристые волны.

— Господи... — выдохнул Райан. — Это же... идеально. Температура двадцать два градуса, кислород двадцать один процент...

— Не отвлекайся! — рявкнул Корсаков. — Найди место для посадки!

Они падали. Альтиметр показывал десять тысяч метров, потом восемь, потом пять. Навстречу неслась стена зелени. Корсаков взял управление на себя, отключив дуближ. Рукоятки под его ладонями завибрировали, словно он пытался удержать за хвост взбесившегося быка.

— Пеленг три-два-один! — выкрикнула по связи Лейла. — Вижу русло реки! Широкое! Может, пойма?

— Вали, только не в лес, — прошипел Корсаков.

Он завалил корабль на правый бок. Перегрузка тут же вдавила его в кресло, сдавила грудную клетку так, что треснуло ребро — старое, еще с Титана. Он не вскрикнул. Сквозь пелену боли Корсаков увидел разрыв в кронах: широкий серебристый язык воды, огибающий гигантский упавший ствол. Река. Берег из темного ила.

— Готовься к удару! — крикнул он в интерком. — Через пятнадцать секунд! Пятнадцать! Головы пригнуть!

Десять секунд. Восемь. Шесть.

Корсаков сделал последнюю отчаянную попытку погасить скорость, выстрелив остатками топлива в сторону земли. Огненная струя ударила в ил, превращая его в стекло. Потом...

Удар.

Мир разлетелся на куски красного, черного и белого. Кресло выбросило амортизационную пену, которая облепила тело, как желе. Грохот стоял такой, что Корсаков перестал слышать — просто чувствовал вибрацию всем телом. Корабль проскользил по поверхности, срывая обшивку, ломая стабилизаторы, превращаясь в парящий фрагмент металла. Потом второй удар — левое крыло оторвалось к чертям, высекая каскад искр.

И тишина.

Не абсолютная. Внутри черепа гудел звон, где-то шипел разорванный трубопровод, капала жидкость. Но относительная тишина.

Корсаков открыл глаза. Он висел в амортизационной пене, как муха в янтаре. Системы жизнеобеспечения молчали. Аварийное освещение погасло. В кабине царил полумрак, рассеиваемый только биолюминесцентными полосками на переборках.

— Райан! — прохрипел Корсаков. — Лейла! Живы?

Справа раздался кашель. Райан О'Коннор выбрался из пены, трясая головой. Из его левой брови текла кровь, но улыбка — эта идиотская, самоубийственная улыбка — оставалась на месте.

— Жив, курилка. Лейла?

— Я... я здесь, — раздалось из-под груды обломков. Маленькая рука отодвинула кусок пластика, и показалось лицо Лейлы — бледное, перепачканное сажей, но живое. — Сэр, двигатели... их нет. Вообще.

— Это была посадка или авария? — поинтересовался Райан. — Я не понял.

— И то, и другое, — Корсаков рванул аварийные ремни, отстегнулся от кресла и встал. Ноги дрожали. Ребро саднило, но он заставил себя шагнуть к аварийному люку. — А теперь заткнись и помоги мне открыть выход.

Люк заклинило. Корсаков уперся ногой в переборку, Райан — ему в спину, и они налегли вдвоем. Скрежет металла, проклятие, и люк подался, впуская внутрь поток влажного, теплого воздуха.

Запах.

Корсаков никогда не нюхал ничего подобного. Это был аромат разогретой гниющей листвы, пресной воды, цветов — гигантских, невиданных цветов, которые раскрыли свои бутоны размером с зонтик, и земли — черной, жирной, как будто сам грунт дышал.

— Воздух пригоден, — констатировала Лейла, глядя на наручный анализатор. — Даже лучше земного. Высокое содержание антиоксидантов...

— Не дышите глубоко, — оборвал её Корсаков. — Ничего не трогайте. Я иду за людьми. Он шагнул в разрушенный грузовой отсек.

Картина была чудовищной. Транспортировочные кресла, где люди должны были сидеть пристегнутыми, сорвало с креплений. Пять человек лежали неподвижно. У одного из контрактников неестественно вывернута шея. Маленькая девочка лет семи, та самая, которую он заметил перед вылетом, плакала в луже технической жидкости, прижимая к себе куклу.

— Помогите! — заорал кто-то из темноты. — Ногу зажало!

Сержант Торрес уже работал среди обломков. Здоровенный мужик с медвежьей фигурой и сединой в коротком ежике волос, он взваливал на плечо оторванную панель и отбрасывал её в сторону.

— Капитан! — рявкнул он, увидев Корсакова. — Четыре человека мертвы. Еще двое в критическом. Остальные — в разной степени раздолбаны. Твою мать, мы живы, поверить не могу!

— Собрать всех в центре отсека. Быстро. Проверьте герметизацию — нет ли утечки из двигателей. Лейла, оцени топливо.

— Топлива ноль, сэр, — отозвалась девушка, протискиваясь мимо. — Реактор в аварийной остановке. Но... сэр, я не чувствую радиации. Вообще. Мы вылили остатки в болото.

Корсаков кивнул. Он начал вслух считать.

— Раз, два, три...

Люди выползали из-под обломков, из туалетных кабин (двое заперлись там перед ударом и чудом выжили), из раздавленного камбуза. Насекомоподобный робот-уборщик бестолково нарезал круги по полу, напевая бодрую мелодию.

Корсаков дошел до сорока трех. Потом Лейла вытащила из-под сорванного кресла инженера-механика — тот был в сознании, с вывихнутой ключицей. Сорок четыре. Потом Торрес выломал дверь в уборную, где тряслись оба труса. Сорок шесть.

— Где последний? — спросил Корсаков, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

Алекса Винтер, ксенобиолог с лицом Мадонны и ледяными серыми глазами, стояла у разорванного иллюминатора и смотрела наружу. Корсаков подошел к ней.

— Доктор, где сорок седьмой?

Она медленно повернулась. Её униформа была разорвана на плече, обнажая край лифа, и Корсаков на секунду отвлекся — неуместно, непрофессионально, но когда рядом с тобой падает мир, мозг хватается за любую живую деталь. Она была красива той опасной, хищной красотой, которая обычно сопутствует женщинам, видевшим смерть вблизи.

— Ваш сорок седьмой, капитан, — сказала Алекса спокойно, почти равнодушно, — вон там.

Она указала через разбитый борт наружу. В пятнадцати метрах от челнока, на примятой гигантской траве, лежал пилот-навигатор. Его грудь ещё вздымалась, но из ноги торчал обломок собственного кресла — арматурный прут, пробивший бедро насквозь.

— Он выживет, если вы поторопитесь, — добавила Алекса. — У него минуты три до геморрагического шока.

Корсаков не ответил. Он перемахнул через пролом, приземлился в мягкую, подушкой пахнущую траву и бросился к раненому. Трава здесь была по пояс, её листья оказались жесткими, как наждак, и резали ладони. Позади кто-то кричал: «Капитан, возвращайтесь! Мы не знаем, что там!»

Но он уже подхватил пилота под мышки и поволок его к кораблю, оставляя за собой кровавый след в зелени. Тяжесть. Жар. Липкий пот на спине.

Втащив последнего выжившего в отсек, Корсаков наконец выпрямился и оглядел своих людей.

— Сорок семь, — сказал он, не спрашивая, утверждая. — Сорок семь живых. Это приказ — остаться такими.

Лейла подавила всхлип. Торрес положил руку на плечо одного из рейнджеров. А Алекса просто смотрела на Корсакова, и в её взгляде мелькнуло что-то, кроме холода. Уважение. Или интерес.

— Райан, — приказал Корсаков, — осмотреть системы связи. Я хочу знать через час, можем ли мы докричаться до «Астреи». Торрес — организовать периметр. Выставить часовых у проломов. Доктор Винтер — со мной.

— Зачем я вам? — спросила она, но уже шла следом.

— Затем, что вы ксенобиолог. А мы только что упали в инопланетный ад. И я хочу знать, убьет ли нас местный воздух через час, или это случится медленнее.

Они прошли в кормовой технический отсек — единственное помещение, которое сохранило герметичность и аварийное освещение. Корсаков закрыл за собой сдвижную дверь, и они остались вдвоем в тесном пространстве, где пахло нагретым металлом и её духами — удивительно, как после всего она еще пахла духами.

— Раздевайтесь, — сказал Корсаков, включая медицинский сканер.

— Простите? — Алекса подняла бровь. Даже сейчас, в крови и пыли, с рваной униформой, она сохраняла королевскую осанку.

— Вы слышали. Мне нужно проверить кожные покровы на наличие радиации, микротрещин от перегрузки и возможных биологических агентов. Сканер работает только через прямой контакт с телом. Раздевайтесь или я сам вас раздену, доктор. Время — не роскошь.

Она усмехнулась. Медленно, вызывающе медленно, стащила через голову остатки форменной куртки. Под ней оказалась тонкая майка, промокшая от пота так, что ткань прилипла к телу, обрисовывая каждый изгиб. Корсаков отвел взгляд, но не потому, что ему было стыдно — потому, что он почувствовал то, что не должен был чувствовать к подчиненной в боевой обстановке. Желание. Глупое, животное желание, когда жизнь висит на волоске и хочется вцепиться в другую плоть, чтобы убедиться: ты еще жив.

— Снимайте майку, — сказал он жестче, чем требовалось.

Алекса подчинилась. Сканер загудел, пробегая лучом по её бледной коже, мурашкам, которые выступили от прохлады или от его взгляда — он не знал. Корсаков стиснул зубы и сосредоточился на показаниях прибора. Чисто. Никаких чуждых спор, никакого поражения тканей. Только здоровое, сильное, живое тело.

— Одевайтесь, — скомандовал он, отворачиваясь к стене, на которой в красном свете аварийки плясали его собственные тени. — Вы чисты.

— А вы, капитан? — спросила она за его спиной. В голосе появилась хрипотца. — Кто проверит вас?

Корсаков обернулся. Она стояла в одной нижней белье, не спеша натягивать куртку, и смотрела на него в упор. В тесном отсеке, где каждый вдох отдавался эхом, расстояние между ними сократилось до полуметра.

— Доктор, — сказал он тихо, — это неуместно.

— А что здесь уместно, капитан? — она шагнула к нему, и Корсаков почувствовал жар её тела сквозь собственную промокшую рубашку. — Мы разбились на чертовой чужой планете. Через два часа, может, нас сожрут местные твари. А вы хотите играть в устав?

Её рука легла на его грудную клетку. Пальцы — длинные, сильные, с аккуратно подстриженными ногтями — прошлись по рубцу от старого ранения.

— Сканер покажет, капитан, что вы чист, — прошептала она, — но сердце у вас колотится, как у зверя. Это не радиация.

Корсаков накрыл её руку своей. Мог оттолкнуть. Должен был оттолкнуть. Вместо этого он сжал пальцы и притянул её к себе так резко, что она ударилась грудью о его торс, вскрикнув от неожиданности.

— Ты хочешь проверить, живой ли я? — прохрипел он ей в самое ухо. — Или ты хочешь, чтобы я проверил, живая ли ты?

Их губы оказались в миллиметре друг от друга. Внутри отсека воздух стал плотным, как вода. Корсаков чувствовал привкус её дыхания — сладковатый, с нотками медицинского спирта (она, кажется, пила перед вылетом?).

Алекса ответила ему не словами. Она вцепилась свободной рукой в его ремень на поясе, дернула вперед, и их тела слиплись во влажной, горячей тесноте. Корсаков вжал её спиной в холодную стену, и она выгнулась, впуская его колено между своих бедер. Её губы нашли его шею, царапнули зубами.

— Да, — выдохнула она. — Именно так. Заставь меня забыть, что мы разбились.

Но прежде чем что-либо произошло, динамик аварийной связи взорвался голосом Райана:

— Капитан? Сэр? У нас проблема. Я поймал сигнал... это не «Астрея». Сэр, здесь кто-то есть. На планете. Кто-то... огромный. И он движется к нам.

Корсаков замер. Алекса — тоже. Страсть схлынула, уступив место ледяному профессионализму. Он отстранился, помог ей натянуть куртку (руки дрожали, но он подавил дрожь), и уже у двери обернулся.

— Это не закончено, доктор, — сказал он тихо. — Но сейчас — война.

И шагнул в темноту разбитого челнока, где сорок семь потерянных душ ждали, что он скажет им, как выжить.

А за бортом, в гигантских джунглях, что-то двигалось. Тяжело. Уверенно. И голодно.

Глава 2: Зеленый ад

Первая ночь на Эдеме-3 не наступила — она рухнула.

Закат здесь длился не больше пятнадцати минут. Два солнца — одно ярко-желтое, другое тускло-красное, похожее на раскаленный уголь — скатились за горизонт с пугающей быстротой, словно сама планета торопилась укрыться от их взглядов. И когда последний луч погас, мир за бортом разбитого челнока преобразился.

— Включите внешнее освещение, — приказал Корсаков, стоя в проломе корпуса с бластером в руке.

— Сэр... — голос Лейлы дрожал. — У нас нет внешнего освещения. Взрывом выбило всю секцию по левому борту. Есть только ручные фонари и аварийные светошток.

— Тогда включайте их. Все, что есть.

Дюжина фонарей зажглась одновременно, выхватывая из темноты десятков метров покрытой мхом земли, обломки корабля и стену джунглей. Деревья-папоротники, днем казавшиеся гигантскими, теперь превратились в черные силуэты, чьи причудливые ветви извивались в ночном небе, словно пальцы утопленника. Где-то высоко над головой полог листвы сомкнулся так плотно, что звезд не было видно вовсе. Только редкие просветы, в которых мерцало что-то фиолетовое — может быть, далекие созвездия, может быть, споры гигантских грибов, светящихся в темноте.

— Это красиво, — сказал Райан, вытирая кровь с разбитой брови. — Черт возьми, это чертовски красиво.

— Красота убьет тебя первой, пилот, — буркнул Торрес, устанавливая импровизированный периметр из обломков кресел и запасных баллонов. — В моей книжке все красивое либо ядовито, либо голодно.

Алекса Винтер, уже спрятавшая под курткой свое тело и свою неуместную страсть к капитану, опустилась на колени у края светового пятна и принялась изучать почву. Её пальцы, уверенные и точные, просеивали черный, жирный грунт.

— Почва богата органикой, — сказала она, не оборачиваясь. — Уровень pH около 6.8, идеально для земных растений. Но есть примеси... не знаю, как это назвать. Кремнийорганические соединения. Я никогда не видела ничего подобного.

— Это опасно? — спросил один из выживших контрактников, парень по имени Грег, с татуировкой дракона на шее.

— Пока не знаю. Но если вы захотите съесть горсть земли, я вас отговорю.

Корсаков прошел вдоль периметра, проверяя часовых. Двадцать человек стояли в карауле — остальные либо спали (насколько это было возможно на голом металле без одеял), либо помогали Лейле восстанавливать системы. Связи с «Астреей» не было. Рация выдавала только шипение, перемежающееся странными низкочастотными сигналами, похожими на вздохи.

— Райан, — окликнул Корсаков пилота, который возился с передатчиком. — Этот сигнал, который ты поймал. Тот, «огромный». Он еще идет?

Райан поднял голову. Улыбка исчезла с его лица.

— Да, сэр. Я записал. Слушайте.

Он нажал кнопку воспроизведения. Из динамика донеслось нечто, отчего у Корсакова волосы на затылке встали дыбом. Это был звук — низкий, инфразвуковой, почти неразличимый ухом, но ощущаемый всем телом. Он напоминал утробный рык, пропущенный через толщу воды, или скрежет тектонических плит, трущихся друг о друга. А поверх этого рыка — ритмичный топот. Очень тяжелых шагов.

— Это животное? — спросил Корсаков.

— Или что-то похуже, — ответил Райан. — Я проанализировал частоту. Это не двигатель, не механизм. Это... оно дышит. И идет сюда. Но медленно. Очень медленно. Как будто не торопится.

— Расстояние?

— Сложно сказать. Звук искажается атмосферой. Может, десять километров, может, пятьдесят. Но вектор — на нас.

Корсаков выругался сквозь зубы. Он вернулся в центр лагеря, где Торрес расчистил площадку и разложил скудные припасы: полтора десятка пайков (рассчитанных на три дня при нормальном режиме), четыре аптечки, три бластера и один плазменный резак, который Лейла переделала в подобие ружья.

На совещание собрались ключевые: Корсаков, Торрес, Алекса, Райан и Лейла. Пятый — пожилой механик по имени Ганс, молчаливый немец с обожженной рукой.

— Мы в заднице, — начал Корсаков без предисловий. — Топлива нет, связи нет, оружия — кот наплакал. Еды — на два дня, если растянуть. Воды — на один, если не найдем местный источник. И ночью кто-то большой идет на наши огни. Вопрос: что мы делаем?

— Уходим в джунгли, — сказал Торрес. — Прячемся, залегаем на дно. Ждем спасателей.

— А если спасателей не будет? — возразила Алекса. — Вы видели, как мы падали. «Астрея» могла не заметить наше отклонение, если их собственные системы повреждены. Мы можем ждать годы.

— Не годы, — Лейла подняла планшет с потрескавшимся экраном. — Я запустила диагностику аварийного маяка. Он работает, но мощность — смешная. Сигнал дойдет до «Астреи» через восемнадцать месяцев. Это если их приемник жив. А если они нас ищут, то могут прислать зонд раньше. Но не раньше, чем через полгода.

Восемнадцать месяцев. Полтора года. В разбитом челноке, посреди леса, где каждое растение размером с дом, и где неизвестные твари издают звуки, от которых стынет кровь.

— Восемнадцать месяцев, — повторил Корсаков. — Значит, нам нужно убежище, вода, еда и оружие. В первую очередь — убежище. Лейла, можно ли отремонтировать корпус настолько, чтобы он стал герметичным?

— Нет, сэр. Дыра слишком большая. Но мы можем использовать внутренние отсеки. Камбуз и техническая рубка почти целы. В них можно жить. Но это не крепость. Если на нас нападет что-то крупнее собаки, стены не выдержат.

— Нужно найти пещеру, — сказал Райан. — Скальное образование. Вон там, в трех километрах к северу, я видел при посадке возвышенность.

Корсаков кивнул. Этот план был жизнеспособен. Но сначала — пережить эту ночь.

— Усилить наблюдение. Часовая смена каждые два часа. Если кто-то увидит или услышит что-то подозрительное — сразу ко мне. Всем спать в центре отсека, группами. Никому не отходить от освещенной зоны.

Он отпустил совещание. Люди разбрелись, кто-то лег на расстеленные куртки и заснул мгновенно — организм брал свое, несмотря на страх. Кто-то сидел с открытыми глазами, вглядываясь в темноту за проломом, где свет фонарей танцевал на гигантских листьях.

Корсаков не спал. Он стоял на посту вместе с Торресом, когда наступила полночь по корабельному времени. Стояли они молча, два ветерана, прошедших через огонь Титана и лед Цереры. Вокруг стрекотали насекомые — их звуки были привычными, почти земными, и от этого казались еще более жуткими.

— Майк, — тихо сказал Корсаков, — сколько мы протянем, как думаешь?

Торрес помолчал, потом ответил с тяжелым вздохом:

— Сэр, вы хотите правду или то, что поднимет боевой дух?

— Правду.

— Тогда, сэр, я думаю, что из этих сорока семи до спасения доживут от силы двадцать. И то если повезет. Местные условия — это не война. На войне враг хотя бы человек. А тут... — он кивнул в сторону джунглей, — тут даже не знаешь, с кем воюешь.

— Двадцать, — повторил Корсаков. — Маловато.

— Я сказал — если повезет.

В этот момент с южной стороны донесся крик.

Короткий, сдавленный, оборвавшийся так же внезапно, как и начался. Корсаков и Торрес рванули на звук одновременно, перепрыгивая через обломки. Райан с бластером выскочил из темноты, освещая путь.

Часовой, молодой техник по имени Чен, стоял на посту у южного пролома. Вернее, он стоял секунду назад. Теперь его не было. Только фонарь валялся на земле, и рядом с ним — странный влажный след, уходящий в темноту.

— Чен! — крикнул Корсаков. Тишина.

— Смотрите! — Райан направил луч вверх.

Чен висел. В трех метрах над землей, опутанный чем-то похожим на липкую паутину, которая тянулась из кроны гигантского папоротника. Тело техника дергалось — он был жив, но рот его был залеплен той же слизью. Глаза — безумные, выпученные — смотрели вниз, на товарищей.

— Что, черт возьми... — начал Торрес.

Ответ пришел сам собой. Из глубины кроны, перебирая восемь конечностями, спустилось существо. Оно было размером не больше шаровой молнии, с телом, похожим на смесь медузы и паука. Полупрозрачное, светящееся изнутри тускло-зеленым, оно двигалось бесшумно, но от каждого его движения по воздуху разносился запах гниющих фруктов.

— Не стрелять! — скомандовал Корсаков, но было поздно.

Райан нажал спуск. Луч бластера ударил в тварь. Существо взвизгнуло — пронзительно, как новорожденный младенец, — и взорвалось, разбрызгивая во все стороны горящую слизь. Одна капля попала на паутину, державшую Чена, она загорелась, и техник рухнул вниз, ломая позвоночник об угол челнока.

— Черт! Черт! — Райан побежал к телу, но Алекса уже была там, опустившись на колени.

— Он мертв, — сказала она, даже не проверяя пульс. — Сломана шея. И... — она подняла руку. На пальцах блестела зеленая слизь. Она почернела и начала дымиться. — Это вещество едкое.

— Всем в укрытие! — заорал Корсаков. — Немедленно!

Но было уже поздно. В свете фонарей они увидели их — десятки, сотни светящихся точек в кронах деревьев. Пауко-медузы. И они двигались к лагерю.

— Огонь по готовности! — скомандовал Корсаков, хватая плазменный резак.

Луч резака выжег в небе полосу чистого огня. Три твари упали, шипя и разбрызгивая кислоту. Торрес стрелял из бластера методично, по-военному — два выстрела, пауза, два выстрела. Райан палил как бешеный, молясь всем богам.

Но их было слишком много.

Одна тварь упала на плечи механику Гансу, который бежал к отсеку. Старик закричал, попытался сбросить её, но слизь уже разъедала ткань комбинезона, кожу, мышцы. Он упал на колени через пять секунд, когда кислота добралась до позвоночника.

— Отходим! — заревел Корсаков, заслоняя собой вход в техническую рубку, куда уже забежали Алекса, Лейла и еще десяток людей. — Торрес, Райан — внутрь!

Последним в дверях оказался молодой матрос по имени Лиам. Тварь вцепилась ему в спину, но Торрес выстрелил в упор, сняв и тварь, и часть комбинезона Лиамы вместе с кожей. Парень взвыл и рухнул внутрь.

Корсаков захлопнул гермодверь вручную, крутанув штурвал. Снаружи послышались глухие удары — твари бились в металл, пытаясь найти щель.

— Свет! — выдохнул он, сползая по стене. — Уберите, блядь, свет!

Фонари погасили. Осталась только тусклая аварийка. Люди сидели в темноте, прижимаясь друг к другу, и слушали, как за дверью скребутся чужие создания. Лиам выл от боли, Алекса перевязывала его обожженную спину, но медикаментов почти не было.

Корсаков закрыл глаза. Один час ночи. Час назад их было сорок семь. Теперь — Чен, Ганс, и ещё двое, которых он не успел запомнить по именам. Сорок три.

И это была только первая ночь.

— Капитан, — голос Лейлы, тихий, дрожащий, раздался из угла. — Я... я слышу ещё кое-что.

Корсаков открыл глаза. Она сидела с наушниками подключенными к единственному работающему приемнику. Её лицо в полумраке было белым, как бумага.

— Что там?

— Тот сигнал, — Лейла сглотнула. — Тяжелые шаги. Они ближе. И они не одни. Их теперь двое. Или... или одно существо, но с двумя сердцами. Я не знаю. Но оно приближается. И игнорирует этих тварей. Оно идет прямо к нам.

Из-за двери, сквозь звон бьющейся о металл кислоты, пробился низкий, горловой звук. Рык.

Настоящий рык.

Не инфразвуковой вой, не треск насекомых. Рык пятнадцатиметрового зверя, который знает, что его добыча загнана в ловушку.

— Всем молчать, — прошептал Корсаков. — Не дышать.

И сорок три человека замерли в темноте, прислушиваясь к шагам смерти, которая топала прямо над ними, за тонкой стенкой битого металла, и ждала, когда они сделают ошибку.

Алекса нашла руку Корсакова в темноте и сжала её. Он ответил на пожатие, но не посмотрел на неё. Он смотрел в потолок, где каждый шорох отдавался в его голове приговором.

«Восемнадцать месяцев, — подумал он. — Мы не протянем и восемнадцати часов».

Снаружи тьма джунглей вздохнула и сомкнулась вокруг челнока, как челюсти.

Глава 3: Жатва

Рассвет на Эдеме-3 наступил так же внезапно, как и тьма. Два солнца выкатились из-за горизонта — сначала желтое, потом красное — и мир залило багово-золотистым светом, который просачивался сквозь полог листвы тысячами косых лучей.

Корсаков не спал всю ночь. Он стоял у гермодвери, прижимаясь ухом к холодному металлу, и слушал. Рык ушел через два часа после полуночи — тяжелые шаги сначала замерли в ста метрах от челнока, потом начали удаляться. Но Корсаков не поверил в уход хищника. Зверь ждал. Умный зверь — или сытый — всегда ждет.

Когда первый луч солнца упал в щель между дверью и косяком, Корсаков осторожно приоткрыл створку на несколько сантиметров.

— Ничего, — прошептал он. — Ночь ушла.

Торрес подошел сзади, перезаряжая бластер из последних двух батарей.

— Сэр, если это чудовище вернется ночью, нам нужна будет крепость. Не можем мы жить в жестянке, где стены — как бумага.

— Знаю. Сначала проверим потери.

Люди начали выходить наружу, щурясь от непривычно яркого света. Утро оказалось обманчиво красивым: воздух наполнился пением птиц — таких же земных на слух, но наверняка смертоносных. Гигантские папоротники распустили свои листья, похожие на зеленые перья, и с них стекала роса, оставляя на земле радужные лужи. Бабочки с размахом крыльев в полметра перелетали с цветка на цветок, где нектар сочился из бутонов, пахнущих ванилью.

— Если бы не вчерашняя ночь, я бы подумал, что мы попали в рай, — сказал Райан, потирая затекшую шею.

— Рай — это место, где ничего не хочет тебя сожрать, — отрезала Алекса, уже опустившаяся на колени у трупа Чена. Тело техника за ночь преобразилось. Зеленая слизь высохла, но кожа стала пепельно-серой, а изо рта и ушей пробивались тонкие белые нити, похожие на грибницу.

— Это не просто кислота, — сказала она, осторожно касаясь нити пинцетом из аптечки. — Это споры. Тварь заражала жертву перед тем, как переварить. Грибок прорастает в тканях за несколько часов. — Она подняла глаза на Корсакова. — Хорошая новость: споры погибают на свету. Плохая: если такая тварь ужалит вас в темноте и вы не доберетесь до ультрафиолета, вы превратитесь в питательную среду.

— Значит, не отходить от костров, — резюмировал Корсаков. — Райан, собери группу для разведки. Нам нужна вода, еда и проход к тем скалам, которые ты видел.

— Понял, сэр. Сколько человек?

— Двенадцать. Ты, я, Торрес, четверо контрактников, Лейла, Алекса, и трое добровольцев.

— Алекса? — Райан поднял бровь. — Сэр, она ученый, а не боец.

— Она ксенобиолог, — ответил Корсаков, не глядя на женщину. — Если мы наступим на местную мину или попробуем не тот фрукт, она нас спасет. Доктор, вы готовы?

Алекса выпрямилась, убрала пинцет в карман и насмешливо посмотрела на него.

— Я думала, вы спросите меня сегодня утром, капитан. После вчерашнего... разговора. Корсаков пропустил мимо ушей её тон.

— Будьте готовы через десять минут. Торрес, раздай оружие. Тем, у кого нет бластеров — ножи и монтировки. Лейла, собери из обломков хоть какое-то подобие копий.

Лейла кивнула, её глаза горели лихорадочным блеском. За ночь она не спала, как и Корсаков, но вместо того чтобы слушать рыки, она чертила схемы на пыльном полу технической рубки.

— Сэр, — сказала она, подходя ближе и понижая голос, — я, возможно, нашла способ сделать простой детектор движения. Используя колебательные датчики от двигателей. Радиус — метров тридцать. Если мы установим их по периметру, будем знать о приближении любой крупной твари за минуту до того.

— Делай. В приоритете.

Разведгруппа выступила через двадцать минут. Небо очистилось от ночной дымки, и теперь в просветах между кронами было видно нечто, от чего Корсаков остановился и поднял кулак — сигнал «стой».

Над пологом леса, на высоте метров трехсот, висела «Астрея». Их материнский корабль. Огромный, серебристый, похожий на сигару длиной в километр. Он не падал, не горел — он медленно дрейфовал по орбите, такой далекий и недосыгаемый.

— Они нас не видят, — прошептал Райан. — Или видят, но не могут спуститься. У них, наверное, тоже проблемы.

— Или они даже не знают, что мы сбились с курса, — добавил Торрес. — Метеоритный поток мог повредить их связь.

Корсаков ничего не сказал. Он отвернулся от «Астреи» и зашагал вглубь джунглей. Смотреть на корабль, который не может тебя спасти, — это медленная пытка.

Мир под гигантскими папоротниками оказался даже более странным, чем они предполагали. Здесь не было подлеска в привычном смысле — вместо кустов и травы земля была покрыта толстым слоем мха, упругого и влажного, как губка. Мох был усыпан тысячами маленьких круглых образований — семян, или яиц, или чего-то третьего.

— Не наступайте на них, — предупредила Алекса. — Это может быть...

Она не договорила. Один из контрактников — здоровенный детина по кличке Брут — наступил на такой шарик. Тот лопнул с резким хлопком, и из него вырвалось облако оранжевых спор. Брут закашлялся, отступил на шаг и споткнулся о корень.

— Я в порядке, — прорычал он, отплеываясь. — Просто пыльца.

— Пыльца, которая забивает легкие за три минуты, — сказала Алекса, доставая медицинский сканер. — Садись. Немедленно.

Брут заворчал, но подчинился. Алекса ввела ему инъекцию адреналина с антигистамином — единственный шприц, который у них был.

— Следующие три часа ты будешь чувствовать себя как после литра виски, но дышать сможешь. Не наступай больше на шарики.

— Это был несчастный случай, — буркнул Брут, поднимаясь.

— Нет, — возразила Алекса, глядя ему прямо в глаза. — Это была глупость. А глупость здесь стоит жизни.

Они двинулись дальше, осторожнее, проверяя каждый шаг. Корсаков вел группу, ориентируясь на показания старого навигатора, который чудом работал. До скал оставалось около двух километров, когда они вышли к реке.

Это была не река в земном понимании. Широкий, метров двадцать, поток воды, но вода имела странный бледно-зеленый оттенок и пахла... медью. На поверхности плавали листья, похожие на кувшинки, но каждый лист был размером с автомобиль.

— Проверь pH, — приказал Корсаков Алексе.

Та опустила тест-полоску в воду. Полоска мгновенно стала ярко-розовой.

— 5.5, — сказала она. — Кислотность как у лимонного сока. Пить нельзя, но для технических нужд — можно. Если добавить щелочи из аптечки, станет нейтральной.

— Набираем воду, — Корсаков жестом приказал контрактникам наполнить все емкости. — Но будьте начеку. Река — это водопой. А у водопоя всегда есть кто-то, кто пьет и кто охотится.

Они наполнили полтора десятка пластиковых бутылей, когда Райан, стоявший на возвышении из упавшего ствола, пронзительно свистнул.

— Сэр! В воде!

Корсаков обернулся. В десяти метрах от берега из-под зеленой поверхности что-то вынырнуло. Существо, похожее на угря, но длиной метров пять, с круглой пастью, усеянной рядами мелких зубов. Оно выпрыгнуло из воды, блеснув серебристо-синей чешуей, и рухнуло обратно, подняв столб брызг.

— Угорь. Просто гигантский угорь, — выдохнул кто-то.

— Просто? — усмехнулась Алекса. — У него в пасти ядовитые железы. Смотрите.

Угорь вынырнул снова, на этот раз ближе. Из уголков его рта сочилась какая-то черная жидкость, которая, попадая в воду, создавала шипящие пузырьки.

— Яд, растворяющий ткани, — констатировала Алекса. — Парализует жертву и начинает переваривать заживо. Не рекомендую купаться.

— Отходим от берега, — приказал Корсаков. — Забираем воду и уходим.

Они уже зашагали прочь, когда небо над ними потемнело. Тень, огромная тень, закрыла два солнца. Корсаков поднял голову и увидел то, от чего его сердце пропустило удар.

Птица. Нет — не птица. Существо с размахом крыльев метров двадцать, с телом, похожим на помесь птеродактиля и стервятника. Его голова была лысой, красной, с клювом, зазубренным как пила. И оно пикировало прямо на них.

— Рассредоточиться! — заорал Корсаков.

Он успел схватить Алексу за руку и отшвырнуть её в сторону, под прикрытие гигантского листа. Тварь обрушилась на землю с такой силой, что ударной волной разметало людей. Клюв, похожий на гидравлический пресс, вонзился в грунт, вырвав кусок мха и камней.

— Что это? — закричал Райан, отползая на четвереньках.

— Стервятник гравитон, — ответила Алекса, у которой от удара пошла кровь из носа. — Я читала о них в отчетах зондов. Они используют гравитационные аномалии для пикирования. Их клюв может перекусить титановую балку.

— Откуда ты знаешь? — рявкнул Корсаков, уже вскидывая бластер.

— Потому что я, мать вашу, ксенобиолог! — огрызнулась. — Стреляйте ему в глаз! Второй глаз у него на затылке!

Тварь взмахнула крыльями, поднимая ураган, и взлетела на пару метров, готовясь к новому удару. Корсаков прицелился в то место, где, по словам Алексы, должен был быть второй глаз. Выстрел — луч бластера ударил в шею твари, выжег там дымящуюся рану, но не смертельную.

Стервятник взревел — звук, похожий на скрежет тысячи ножей по стеклу, — и вместо того, чтобы улететь, рухнул прямо на группу. Он накрыл собой Брута и еще одного контракт-

ника, рядового Фостера. Клюв шелкнул — и Фостер переломился пополам, как сухая ветка. Брут пытался отстреливаться, но тварь наступила ему на ноги своей когтистой лапой, и хруст костей был слышен даже сквозь шум.

— Огонь! Всем огонь! — Корсаков сорвал с пояса плазменный резак, который Лейла переделала в ружье, и выстрелил с двух рук.

Плазма врезалась в бок стервятника, и тот взвыл. Запахло горелым мясом — знакомый, почти родной запах. Существо дернулось, попыталось взлететь, но плазменный резак выжег ему часть крыла. Тогда Корсаков шагнул вперед, встал прямо перед раскрытым клювом и выстрелил в третий раз — прямо в разинутую пасть.

Плазма прошла насквозь, вырвав затылок твари вместе со вторым глазом. Стервятник забился в агонии, его тело весило несколько тонн, и эти тонны рухнули на землю, едва не придавив Райана, который отползал на спине, стреляя вверх без остановки.

Потом наступила тишина.

Корсаков стоял над грудой еще дышащей плоти, тяжело дыша. Его руки дрожали, плазменный резак шипел, перегретый. Из-за спин вышли остальные члены группы — Лейла, бледная как смерть, Алекса, вытирающая кровь с лица, трое контрактников, у которых тряслись колени.

— Брут? — спросил Корсаков, хотя знал ответ.

Алекса опустилась рядом с телом, которое еще минуту назад было здоровым, сильным мужчиной. Теперь это была размолотая грудка мяса и сломанных костей.

— Мертв. Фостер — тоже. И... — она оглянулась. — Где Беккер?

Беккер, молодой механик, который шел в хвосте группы, исчез. Его не было среди живых, и его тело не валялось рядом с убитыми. Только кровавый след, ведущий в кусты.

— Он побежал, когда началась атака, — сказал один из контрактников. — Я видел. Он побежал в лес.

— Один, без оружия, — закончил Торрес. — В джунглях, где каждое растение размером с дом.

Корсаков закрыл глаза. Их было сорок три час назад. Теперь — сорок один. И один пропавший без вести.

— Мы не можем его искать, — сказал он, открывая глаза. — Тварь могла быть не одной. Возвращаемся в лагерь.

— Что? — Райан вскочил. — Капитан, мы не можем бросить человека!

— Мы можем. И мы должны. Если мы полезем в эти заросли, нас перебьют по одному. Беккер сделал свой выбор. Сейчас наша задача — доставить в лагерь воду и тех, кто остался в живых.

Никто не спорил. Они молча забрали тела Брута и Фостера — не потому, что это было разумно, а потому, что оставлять товарищей на съедение местной фауне значило потерять последние остатки человечности.

Похороны состоялись в сумерках.

Корсаков приказал выкопать две могилы в стороне от лагеря, подальше от жилых отсеков. Люди копали монтировками и руками, потому что лопат у них не было. Земля оказалась черной, жирной, и от каждого удара из неё поднимался сладковатый запах.

Когда тела опустили в ямы, кто-то — кажется, Лейла — попытался прочитать молитву. Но договорить она не успела. Потому что земля начала двигаться.

— Что... — начал Торрес.

Черный грунт запульсировал, словно живое существо. Из стенок могилы выросли тонкие корешки, белые как молоко, и начали обвивать тела. Корешки впивались в ткань комбинезонов, в кожу, в глаза, в раскрытые рты. И тела начали... таять.

— Уберите их! — закричал кто-то.

— Стойте! — Алекса выставила руку, преграждая путь. — Не трогайте! Это — сапрофиты. Местная почва перерабатывает органику за минуты. Если вы коснетесь этой жижи, она начнет переваривать и вас.

За три минуты от двух здоровых мужчин не осталось ничего. Ни костей, ни зубов, ни даже металлических имплантов — все растворилось в черной почве, которая после трапезы стала еще чернее и еще жирнее.

На поверхности остались только две вмятины, быстро затягивающиеся мхом.

— Вот такое у них здесь погребение, — тихо сказал Торрес. — Ни креста, ни камня.

— Это не погребение, — ответил Корсаков, отворачиваясь. — Это жатва.

Ночь наступила снова. Два солнца ушли, оставив людей в темноте, подсвеченной только биолюминесцентными грибами и бледными звездами, которые наконец-то показались в разрывах крон.

Корсаков сидел у аварийного люка, проверяя плазменный резак. Пальцы все еще дрожали — от перегрузки, от адреналина, от того, что он чувствовал себя мясником, а не капитаном.

Алекса села рядом, не спрашивая разрешения. Она принесла две кружки подогретой воды — единственное, что они могли пить.

— Вы отлично стреляли, — сказала она.

— Этого недостаточно.

— Ничего не достаточно. Мы здесь чужие. Мы не знаем правил этой планеты. Но мы учимся. — Она помолчала. — Илья.

Она назвала его по имени. Впервые. Не «капитан», не «сэр». Просто — Илья.

Он повернулся к ней. В темноте её лицо было бледным, губы — чуть припухшими от удара о землю, когда он её отшвыривал. Глаза — серые, как сталь, но сейчас в них не было льда.

— Ты мог меня убить сегодня, — сказала она тихо. — Когда отбросил в сторону. Я ударилась головой о корень, могла сломать шею.

— Но не сломала.

— Нет. Потому что ты знал, куда кидать. — Она подвинулась ближе, и он почувствовал тепло её плеча. — Ты всегда знаешь, куда кидать своих людей?

— Стараюсь.

— А себя? — она коснулась пальцами его руки, сжатой на рукояти резака. — Ты знаешь, куда кидаешь себя?

Корсаков не ответил. Он смотрел в темноту, где за пределами света фонарей кто-то тяжело дышал и, может быть, ждал. Алекса переплела свои пальцы с его — холодные, дрожащие пальцы человека, который тоже боится, но не показывает.

— Я не буду сегодня к тебе приставать, — сказала она с кривой усмешкой. — Не для того. Просто... не умирай, Илья. Если ты умрешь, эти сорок человек превратятся в корм через неделю.

— Лестно.

— Это не лесть. Это факт. — Она отпустила его руку, встала, и на секунду замерла, наклонившись так близко, что он чувствовал её дыхание на своей щеке. — Будешь жив — получишь награду. Обещаю.

И она ушла, бесшумно ступая по мху, оставив Корсакова одного с пульсирующей болью в старом ребре и странным, неуместным теплом в груди.

Он посмотрел на небо, где среди незнакомых созвездий медленно плыла серебристая точка — «Астрея». Восемнадцать месяцев. Или меньше, если повезет. Или никогда.

За спиной кто-то застонал во сне. Где-то в джунглях завывала ночная тварь. А Корсаков взял плазменный резак, проверил заряд и вернулся на пост. Потому что у капитана нет права на слабость.

Даже когда ему обещают награду.

В живых — 41 человек.

Глава 4: Синдром Робинзона

День 7. Лагерь «Стрела»

Через неделю после крушения люди перестали быть людьми.

Это не случилось в одно утро — трансформация шла постепенно, как нагноение под старой повязкой. Кто-то перестал мыться, кто-то начал разговаривать сам с собой, кто-то украл чужую порцию пайка и не почувствовал стыда. Но настоящий распад начался, когда психолог Сабрина Монро вышла из тени и заявила свои права на власть.

— Они нуждаются в порядке, — сказала она Корсакову на шестой день, когда он проверял запасы. — Не в военном, нет. В эмоциональном. Женщины боятся мужчин, мужчины боятся темноты, дети плачут по ночам. Я могу это исправить.

— Каким образом? — спросил Корсаков, не поднимая головы от планшета.

— Индивидуальная работа. Групповые сеансы. У меня есть методики снятия стресса, проверенные на долгих перелетах.

— Делай. Но без глупостей.

Сабрина улыбнулась — той самой улыбкой, которая когда-то принесла ей звание лучшего корпоративного психолога «Астреи». Ей было тридцать, выглядела она на двадцать пять: длинные черные волосы, фигура, которая не стеснялась облегающей униформы, и глаза цвета темного шоколада, которые умели смотреть так, будто ты единственный человек в комнате.

Корсаков не знал (или не хотел знать), что улыбка Сабрины была оружием. И она только что выбрала цель.

Они установили временный распорядок. Утром — работы по укреплению лагеря: сбор обломков, очистка территории от светящихся грибов (Лейла выяснила, что их споры вызывают галлюцинации). Днем — разведка или охота. Вечером — ужин из пайка и тощих кореньев, которые Алекса объявила условно съедобными после получасовой варки.

И после ужина — «час психологической разгрузки» в отдельной капсуле, которую Сабрина оборудовала из герметичного спального модуля.

Именно туда она пригласила Райана на седьмой день.

— Пилот, — позвала она, когда он проходил мимо. — У вас усталый вид. Зайдите на десять минут, это поможет.

Райан усмехнулся. Он не был наивным — за свою жизнь на флоте он видел таких «психологов» десять раз. Но Сабрина была красива. А семь дней без женщины, под постоянным страхом смерти, превращают любого мужчину в животное.

— Десять минут, — согласился он.

Капсула оказалась тесной — два на два метра, с мягкими стенами, обитыми звукоизолирующей (раньше здесь перевозили особо ценные грузы). Сабрина зажгла единственную лампу, дававшую тусклый желтый свет, и постелила на пол спальный мешок — единственное мягкое место во всем лагере.

— Садитесь, — сказала она, садясь напротив. — Расскажите, что вас беспокоит.

— Серьезно? — Райан хмыкнул. — Вы хотите список в алфавитном порядке или хронологический?

— Я хочу, чтобы вы закрыли глаза и вспомнили что-нибудь хорошее. Земное. До всего этого.

Райан закрыл глаза. Хорошее. Он вспомнил, как водил старый мотоцикл по берегу океана на Гавайях — ветер в лицо, запах соли, девушка сзади, прижавшаяся к спине. Девушку звали... как её звали?

— Не получается, — сказал он, открывая глаза. — Все перекрывается этим. Треском корабля. Криками.

Сабрина подвинулась ближе. Её колено коснулось его бедра.

— Это нормально. Посттравматический стресс блокирует позитивные воспоминания. Но мы можем создать новые. Прямо сейчас.

Её рука легла ему на плечо. Пальцы — прохладные, уверенные — начали массировать напряженные мышцы.

— Это часть терапии? — спросил Райан, не отстраняясь.

— Это часть выживания, — ответила Сабрина. — Вы знаете, какая самая частая причина смерти в экстремальных условиях, Райан?

— Обезвоживание?

— Одиночество. Люди теряют волю к жизни, когда чувствуют себя оторванными от других. Физическая близость — самый быстрый способ напомнить мозгу: ты не один, ты часть группы, ты нужен.

Она говорила гладко, профессионально, но Райан слышал другое. Он слышал в её голосе ту же ноту, что и в своем собственном сердце — голод. Не сексуальный даже — животный. Потребность в тепле, в прикосновении, в том, чтобы на минуту забыть, что за тонкой стенкой капсулы тебя ждут джунгли, где каждую ночь кто-то умирает.

— Сабрина... — начал он.

— Тсс. — Её палец коснулся его губ. — Не говори. Просто позволь себе чувствовать.

Она наклонилась и поцеловала его. Сначала мягко, почти целомудренно, но когда Райан ответил, поцелуй углубился, стал жадным, влажным. Её язык скользнул между его губ, и он застонал — от неожиданности, от облегчения, от того, что его тело наконец вспомнило, что оно живое.

Они упали на спальный мешок, сплетаясь в единый клубок. Сабрина стащила с него куртку, расстегнула ремень, и Райан помогал ей, торопливо срывая с себя одежду, пока они не остались в одном белье, а потом и без него.

Свет лампы рисовал на их телах золотистые полосы, а за стенами капсулы, в десяти метрах, спали остальные выжившие, не подозревая, что в «психологическом часе» происходит нечто совсем иное.

— Ты дрожишь, — прошептал Райан, проводя рукой по её спине.

— Это адреналин, — ответила Сабрина, вжимаясь в него. — Или страх. Или возбуждение. Какая разница?

Она оседлала его, и он вошел в неё одним движением — влажную, горячую, готовую. Сабрина вскрикнула, но негромко — здесь были тонкие стены. Райан прижал её к себе, перевернулся, оказался сверху, и начал двигаться, сначала медленно, потом быстрее, в такт их общему дыханию.

Сабрина кусала его плечо, чтобы не закричать. Её ногти впивались в его ягодицы, оставляя алые полосы. В тусклом свете их тела казались призрачными, почти нереальными — два человека, которые трахались посреди ада, потому что это было единственное, что напоминало им о жизни.

— Еще, — прошептала она. — Еще.

Райан ускорился. Пот выступил у него на лбу, капая ей на грудь. Сабрина провела языком по его шее, слизывая соленую влагу, и в этот момент за стенкой капсулы раздался звук, от которого оба замерли.

Тяжелые шаги. Близко. Очень близко.

Райан инстинктивно зажал ей рот рукой. Сабрина расширенными глазами смотрела в потолок, где прямо над ними, метрах в двух, прошло что-то огромное. Шаги были мягкими, но тяжелыми — каждое движение животного отдавалось вибрацией в полу капсулы.

Тварь прошла мимо. Шаги затихли в стороне джунглей.

Райан выдохнул. И, не выходя из неё, начал двигаться снова — медленнее, осторожнее, почти невесомо. Сабрина стонала ему в ладонь беззвучно, и её тело сжалось вокруг него в финальной судороге. Он кончил следом, уткнувшись лицом в её волосы, и они лежали так несколько секунд, тяжело дыша, слушая, как темнота за стенами заползает в каждую щель.

Сабрина первой пришла в себя. Она отстранилась, вытерлась краем спального мешка и начала одеваться — спокойно, методично, словно они только что завершили деловую встречу.

— Это останется между нами, — сказала она, не глядя на него. — Пока.

— Сабрина...

— Я сказала — пока, — она повернулась, и в её глазах не было ни нежности, ни стыда. Только холодный расчет. — Ты мне нужен, Райан. Ты пилот, тебя слушают. А мне нужен голос в этом лагере, кроме голоса Корсакова. И ты будешь этим голосом. За определенную плату.

Райан почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Он только что был живым, горячим, настоящим — а теперь превратился в инструмент. В гаечный ключ, который Сабрина смазала сексом, чтобы он работал на неё.

— Ты использовала меня, — сказал он, одеваясь.

— А ты использовал меня. Разве нет? — она усмехнулась, поправляя волосы. — Мы просто закрыли взаимные потребности. Но если тебе нужна любовь — извини, пилот. Я по ней не скучаю.

Она вышла из капсулы, оставив Райана одного в полумраке, пахнущем потом и спермой. Он сидел на спальном мешке, сжимая кулаки, и понимал, что только что продал часть себя. За что? За десять минут дрожи в чужом теле?

«За ощущение, что я еще живой, — ответил он сам себе. — За то, что не слышал рыков за стеной. За то, что на минуту забыл, где мы находимся».

Он вышел из капсулы через пять минут. Никто не обратил на него внимания — все были заняты своими делами. Только Корсаков, стоявший на посту у пролома, проводил его долгим взглядом.

Капитан ничего не сказал. Но он знал. Он видел, как Сабрина заходила в капсулу с блокнотом, а выходила с растрепанными волосами и странной улыбкой. Он видел, как Райан выходит следом, с пустыми глазами.

— Осторожнее с ней, пилот, — сказал Корсаков, когда Райан проходил мимо.

— С кем, сэр?

— С психологом. В аду даже ангелы становятся демонами.

Райан не ответил. Он прошел к своему месту, лег на холодный металл и уставился в потолок, где биолюминесцентные пятна складывались в узоры, похожие на женские лица.

Ночью, когда все заснули, Сабрина снова пришла к нему. И Райан не прогнал её. У него не было сил.

Утро следующего дня.

Корсаков собрал всех у центральной мачты, на которой Лейла повесила единственный уцелевший динамик.

— Сегодня мы идем к скалам, — объявил он. — Пещеры — наша единственная надежда на долгосрочное убежище. Лейла, доклад по детекторам движения.

— Шесть штук, радиус тридцать метров каждый, — доложила девушка. — Если мы установим их по периметру пещеры, узнаем о приближении любой твари за минуту.

— Райан, ты возглавляешь разведгруппу. Возьми с собой Лейлу, Алексу, двух контрактников. Я остаюсь в лагере — нужно закончить укрепления.

— Сэр, — подал голос Торрес, — зачем разделяться? Если на разведку нападут...

— Тогда в лагере останется тот, кто сможет организовать оборону, — отрезал Корсаков. — Я не рискую всеми.

Он взглянул на Сабрину, которая стояла в стороне, скрестив руки на груди. Она улыбнулась ему — той же улыбкой, что и вчера, но теперь Корсаков видел в ней нечто иное. Угрозу.

«Она строит свою игру, — подумал он. — Вопрос — против кого».

Разведгруппа ушла через час. Райан шагал первым, сжимая в руке бластер. Алекса шла следом, изучая флору. Лейла тащила тяжелый ящик с датчиками.

А Сабрина осталась в лагере. И уже через десять минут после ухода группы она подошла к двум контрактникам, которые чистили бластеры, и заговорила с ними тихо, вкрадчиво, как говорят с будущими союзниками.

— Я думаю, капитан слишком рискует, — сказала она. — Слишком много власти у одного человека. Вам не кажется?

Контрактники переглянулись. Один из них, здоровенный детина по кличке Молот, пожал плечами.

— Он нас вытащил.

— И сколько уже погибло под его командованием? — спросила Сабрина, округляя глаза. — Шестеро? Семеро? Может, пора подумать о демократии. О выборах.

Она не сказала «я хочу быть капитаном». Она просто посеяла семя.

А семена, как известно, прорастают даже на мертвой почве. Особенно на мертвой.

В живых — 41 человек.

Глава 5: Гнездо гигантов

День 10. Лагерь «Стрела»

Тот, кого они потеряли, пришел к ним на второй неделе.

Корсаков заметил странное поведение Крауча еще за день до катастрофы — техника-электронщика с бледным лицом и вечно бегающими глазами. Крауч не спал по ночам, шептал что-то в пустоту и отказывался от еды, утверждая, что «лес зовет его».

— У него острая психотическая реакция, — сказала Алекса после осмотра. — Галлюцинации, паранойя. Его мозг не выдержал инфразвук джунглей.

— Лечить можете? — спросил Корсаков.

— Транквилизаторами? Да. Но они у нас в дефиците. А убедить его, что голоса в голове — не настоящие... Я не психиатр.

Крауча отстранили от работ и поселили в отдельной капсуле, подальше от остальных. Но на десятый день он сбежал.

Случилось это в предзакатный час, когда усталость валит с ног даже самых бдительных часовых. Крауч вылез через вентиляционную шахту, которую Лейла не успела заварить, и ушел в джунгли, прихватив бластер и аварийную рацию.

Его нашли только через два часа — растерзанного, но еще живого.

— Капитан! — крикнул Торрес, когда разведгруппа наткнулась на тело в трехстах метрах от лагеря. — Он здесь!

Крауч лежал у корней гигантского папоротника, его ноги были неестественно вывернуты, а грудь разорвана чем-то с когтями. Но он еще дышал. Стеклянными глазами смотрел в небо и шевелил губами.

— Что случилось, Крауч? — Корсаков опустился рядом на колени, игнорируя кровь, пропитывающую его комбинезон.

— Они... — прошептал техник. — Они знают. Хозяева. Они звали меня. Сказали, что есть место... безопасное. Гнездо. Там... там не надо бояться.

— Гнездо? Где?

— Я шел... на курганы. К востоку. Их там много... — Крауч закашлялся, изо рта пошла пена с кровью. — Не ходите туда, капитан. Они не люди. Они... они ждут.

Он умер через минуту. Алекса констатировала смерть и закрыла ему глаза.

— Курганы к востоку, — повторил Корсаков, поднимаясь. — Что там, доктор?

— Я видела их с воздуха, когда мы падали. Земляные насыпи метров по десять в диаметре, расположенные правильными кругами. Я думала, это геологические образования.

— Теперь мы знаем, что нет.

Он вернулся в лагерь и собрал совет. Райан, Торрес, Алекса, Лейла, Сабрина — теперь она настаивала на участии во всех военных советах, ссылаясь на «психологическую оценку рисков».

— Крауч говорил о «хозяевах», — начал Корсаков. — Он пошел к курганам. И там его убили.

— Или не убили, — возразила Алекса. — Посмотрите на раны. Они не похожи на укусы или когти. Скорее... на разрывы от ударов тупым предметом. Как будто его просто раздавили.

— Что может раздавить человека? — спросил Райан.

— Что-то очень тяжелое. Или очень большое.

Лейла подняла руку, как школьница на уроке. Её лицо было бледным, но голос звучал твердо.

— Сэр, я настроила сейсмические датчики на максимальную чувствительность. За последние три дня я зафиксировала шесть крупных толчков в восточном направлении. Не землетрясений — шагов. Тяжелых шагов. Они исходят именно оттуда.

— Значит, Крауч пошел прямо в логово, — подвел итог Корсаков. — Но не один. Там есть что-то, что привлекло его. Какая-то сила, которая воздействует на психику. Алекса, ты говорила об инфразвуке?

— Да. Низкочастотные колебания, которые человеческий мозг не слышит, но ощущает. Они вызывают тревогу, панику, а при длительном воздействии — галлюцинации. Если курганы излучают такой сигнал, это объясняет, почему Крауч сломался.

— Или... — Сабрина впервые подала голос, и все повернулись к ней. — Или он действительно слышал голоса. Не галлюцинации, а призыв. Планета может быть разумной, капитан. Мы не знаем.

— Разумной или нет, — отрезал Корсаков, — но тварь, которая ходит вокруг курганов, скоро придет сюда. Нам нужно разведать эту территорию, понять, с чем мы имеем дело. Лейла, подготовь взрывчатку из остатков топлива. Райан, собери группу. Идем завтра на рассвете.

— Я пойду с вами, — сказала Сабрина.

— Нет.

— Я нужна, чтобы оценить психологическое воздействие. Если курганы влияют на разум, кто-то должен это зафиксировать.

Корсаков посмотрел на неё долгим взглядом. В глазах Сабрины не было страха — был расчет. Она хотела быть в центре событий, хотела видеть, чтобы потом использовать.

— Ладно. Но если начнется стрельба — прячься и не мешай.

День 11. Восточные курганы

Они вышли вчетвером: Корсаков, Райан, Алекса и Сабрина. Торрес остался в лагере с приказом любой ценой удерживать периметр. Лейла собрала три импровизированные взрывные устройства из остатков топливных элементов — маленькие, но мощные, способные пробить броню в несколько сантиметров.

Джунгли к востоку были другими. Здесь деревья росли реже, но были выше — их кроны уходили в небо на двести метров, оставляя внизу полумрак, похожий на сумерки. Воздух пах иначе — сладковато-гнилостным запахом, в котором Алекса уловила феромоны.

— Животные, — сказала она, когда они остановились передохнуть. — Очень много животных. Запах их желчи, мочи, выделений. Мы приближаемся к колонии.

Курганы появились внезапно — из полумрака выросли холмы, правильные, как полусферы, сложенные из земли и какой-то растительной массы. Каждый был высотой с двухэтажный дом. И между ними двигались тени.

Гекко-рептилии.

Корсаков замер, жестом велел остальным лечь на землю. Существа были огромными — метров по восемь в длину, с плоскими телами, покрытыми чешуей, переливавшейся зеленым и коричневым. Их глаза, выпуклые, как у хамелеонов, вращались независимо друг от друга, а языки — длинные, раздвоенные — высовывались наружу, пробуя воздух.

— Они не видят нас, — прошептал Райан. — Мы в маскировке.

— Пока, — ответила Алекса. — Но они слышат и чувствуют. Не двигайтесь.

Они лежали в зарослях жесткой травы, наблюдая, как рептилии ползают между курганами, волооча тяжелые хвосты, оставляющие в грунте глубокие борозды. Их было много — десятки, может быть, сотни. Некоторые были мельче, ростом с крупную собаку — детеныши.

— Это их гнездовье, — прошептала Алекса. — Они выводят потомство здесь, в этих курганах. Крауч набрел на них и был растоптан.

— Или его привели, — сказала Сабрина сбоку. Она не шептала, она говорила нормальным голосом, и Корсаков дернулся, чтобы зажать ей рот, но было поздно.

Одна из ближайших рептилий подняла голову. Её язык замер в воздухе, направленный прямо в их сторону.

— Твою мать, — выдохнул Райан.

— Бежим, — скомандовал Корсаков.

Они вскочили и бросились назад, в джунгли. Но рептилии двигались быстрее. Первая тварь преодолела сотню метров за несколько секунд, её лапы с острыми когтями отталкивались от земли с силой гидравлического молота.

— Стреляй! — крикнул Корсаков Райану.

Пилот развернулся и выстрелил из бластера. Луч ударил рептилию в плечо, прожег чешую, но существо даже не замедлилось. Оно налетело на Райана, сбилось с ног и придавило лапой к земле.

— Райан! — Сабрина закричала, впервые проявив эмоции.

Корсаков выхватил плазменный резак и выстрелил твари в голову с трех метров. Плазма расплавила череп, и рептилия рухнула, дергаясь в агонии. Райан выскользнул из-под туши, весь в крови — своей или чужой, непонятно.

— Бегом! Не останавливаться!

Но они не успели. Из-за курганов высыпали новые рептилии, десятки, и побежали прямо на них, издавая шипение, похожее на работу парового двигателя. Земля дрожала от топота.

— В укрытие! — Корсаков указал на нагромождение валунов у подножия гигантского дерева. Они добежали, запрыгнули между камнями, и Корсаков развернулся, вскинув резак.

Первая волна рептилий налетела на валуны, пытаясь протиснуться в щели. Корсаков выстрелил — плазма выжгла глаза ближайшей твари, она взвыла и откатилась. Вторая — получила заряд в пасть и рухнула, перекрывая проход своим телом.

— У меня кончается заряд! — крикнул Райан, стреляя из бластера очередями.

— У меня тоже, — сказала Алекса. У неё была только маленькая энергетическая винтовка, которую она почти не умела использовать.

Сабрина молчала, вжавшись в скалу. Её глаза были закрыты, губы шевелились в беззвучной молитве.

Корсаков переключил резак на максимальную мощность. Взглянул на индикатор заряда — оставалось два выстрела. Два выстрела против полусотни рептилий, которые уже обходили валуны с флангов.

— Райан, бери девушек и уходи по оврагу, — сказал он тихо. — Я задержу их.

— Сэр, вы сошли с ума!

— Это приказ, пилот. Выполняй. — Корсаков бросил взгляд на Алексу. Она смотрела на него так, будто хотела запомнить каждую черту его лица. — Доктор, берегите себя.

— Илья... — начала она.

— Бегом!

Райан схватил Алексу за руку и потащил вниз по оврагу, в сторону лагеря. Сабрина последовала за ними, наконец-то включив инстинкт самосохранения.

Корсаков остался один.

Он выстрелил еще раз — плазма выкосил трех рептилий, которые лезли на него с фронта. Остался последний заряд. Он смотрел, как твари смыкают кольцо, как их чешуя переливается в тусклом свете, как раздвоенные языки щупают воздух в поисках его запаха.

Он улыбнулся. Странно, но сейчас он не боялся. После всего, что он видел — войны на Титане, смерти товарищей, крушения «Стрелы», — смерть казалась просто еще одним врагом. А с врагами он умел разговаривать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.